

И.В. Волков

Институт наследия Минкультуры РФ

Сведения о Китае в сочинении венецианца Иосафата Барбаро

Венецианский нобиль Иосафат Барбаро (1413–1494) прожил долгую и бурную жизнь, в которой всего добивался за счёт собственных трудов и дарований, а не благодаря происхождению. В молодости он 16 лет (1436–1452 гг.) провёл в Тане (Азове), где был купцом и рыбопромышленником, выучил татарский язык и завязал тесные связи с представителями знати Большой Орды. В определённом смысле, это определило его симпатии к татарам, которые сохранялись всю жизнь. При описании того, как ордынцы начисто разграбили его рыбные ловли, совершенно не обнаруживается ненависти или озлобления. Более того, когда уже в Венеции он случайно увидел двух захваченных в рабство татар, то добился их освобождения, наказания хозяина, связанного с пиратами, а затем содержал их у себя и отправил за свой счёт с ближайшим караваном галер обратно в Тану.

После возвращения на родину незадолго по падению Константинополя Барбаро некоторое время оставался частным лицом, но в 1460-х гг. был назначен провекитором (гл. инспектором) в Албанию, где фактически командовал всеми вооружёнными силами Республики. Здесь ему приходилось заниматься ремонтом и усилением крепостей, вести обширную дипломатическую деятельность. Вскоре его многосторонний опыт был востребован для другой миссии – его отправили послом к владыке Персии Узун Хасану с целью склонить его к нападению на Османов. Результат посольства оказался отрицательным, но виной тому – не «квалификация» дипломата, а реальная расстановка сил. Доказательством тому служит длительное нежелание Узун Хасана отпускать от себя образованного венецианца, чьи советы и суждения были явно интересны шаху. Отчасти это объясняется знанием татарского языка, что расширяло возможности частного общения. Вообще говоря, имел место беспрецедентный случай, нарушающий нормы дипломатического этикета: посол общался без переводчика, поскольку толмач посольства уже перед Тебризом был избит туркменами настолько сильно, что вскоре скончался. Отметим, что и в дальнейшем знание татарского языка не раз спасало венецианца от неминуемой беды.

© Волков И.В., 2012

Вернувшись в Венецию, Барбаро стал провизором области Полезине, а затем членом «Совета Мудрых». В конце 1480-х гг. он приступил к созданию своего сочинения – «Путешествия в Тану и в Персию». Фактически это два самостоятельных произведения, но тесно связанных между собой.

Итальянские издания состоялись уже после смерти И. Барбаро. Первое – в 1543 г. [11], затем в 1545 г. [12]. Всеобщую широкую известность произведение получило после его перепечатки в сборнике Дж.Б. Рамузио [13]. Критическое издание текста [14] позволяет учитывать наиболее важные версии сочинения, поэтому перевод даётся по нему. При переводе я старался как можно меньше удаляться от источника, сохраняя авторскую пунктуацию (не соответствующую современной русской), а приближение к современному русскому языку оставив ровно на том месте, с которого текст становился понятен.

«Путешествие в Тану» неоднократно переводилось на русский язык, и с первого знакомства получило широкий резонанс в среде отечественных историков. Первый широко распространённый перевод части сочинения Барбаро, касавшийся только путешествия в Тану, был издан В.Н. Семёновым ещё в 1836 г. [3]¹. Им пользовались до появления работы Е.Ч. Скржинской, которая приложила все усилия, чтобы дополнить и исправить прежнее произведение, воспользовавшись для этого самой ранней сохранившейся рукописью (Национальная библиотека Св. Марка, Венеция, Mss italiani, cl. 6, № 210, collocazione 5913) [4]. Возможно, критика предшественника была излишне строгой, поскольку при интерпретации источника знания В.Н. Семёнова в области исторической географии оказались более глубокими.

Второй части произведения Иосафата Барбаро, «Путешествию в Персию», в Отечестве не повезло, сочинение так и не было ранее переведено на русский язык полностью (по крайней мере, мне не пришлось столкнуться с опубликованным переводом). Между тем автор для меня лично отличался необыкновенной притягательностью. В частности, он оказался наиболее ранним и наиболее заслуженным «археологом» на Юге России, поскольку раскопки, в которых он участвовал и которые кратко описал, проходили приблизительно на полтысячелетия раньше всех остальных. Главные же симпатии были связаны с тем, что это был добрый служака и верный гражданин своей страны, терпеливо переносивший любые трудности и всегда внимательно относившийся к окружающим независимо от их происхождения, веры и взглядов. Личная выгода как мотив поступков в его деятельности совершенно не прослеживается.

Те краткие сведения о Китае, которые содержатся в персидской части сочинения, не являются наблюдениями очевидца, но важны тем, что относятся к периоду, когда после распада монгольских государств Дальний Восток снова оказался почти полностью закрытым для европейцев. В связи с этим существенны и общие оценки земли «свободы и великой справедливости», «удивительного» уровня правосудия в Китае. Сам текст весьма красноречив и не требует пространных комментариев.

С Китаем в сочинении связаны два пассажа. Приведём их полностью. Первый – ассоциация с пословицей того времени, в связи с которой автору вспомнилось ордынское посольство в Китай, вернувшееся в Тану в 1436 г.

«Un'altra volta ch'io fui con esso lo ritrovai in una camera sotto un paviglion et alhora mi dimandò quello mi pareva de essa e se'l se ne feva de cusi fatte ne i logi de Franchi. Li risposi che'l me pareva benissimo e che non era da far comparation tra i nostri logi e i soi, conciosia che molto mazor era la potentia sua cha la nostra e poiché da nui non se usa simil camere. Et invero era bellissima et ben lavorata de lignami in modo de una cuba, infassada de panni de setta recamadi e doradi e ne la parte inferiore d'ognio intorno insternuta de tapedi bellissimi. Poteva voltar da passi .14. De sopra a questa camera era una tenda quadra grande recamada, destesa in forza de .4. arbori, la quale li feva umbra. Tra la quale e la cuba era un bel paviglion de bucassin, da la parte de drento tutto lavorato e recamado. La porta de la camera era de sandali a tarsia con fili d'oro e radiceli di perle per dentro, lavorada e intagiada. El signor ritrovai che sedeva insieme con certi sui principali et haveva dinanzi sé un fazolo ingropato, el quale esso aperse e trasse d'esso una filza de balassi .12., simili a olive, netti, de bon color, de carati da .50. in .75. l'uno. Drieto a questo tolse un balasso de onze .2 1/2. in tavola de una bella forma, grosso un detto, non forado, de color perfettissimo, in uno canto del qual erano certe litterine moresche. Dimandai che lettere eran quelle et esso me respose che eran sta' fatte per un signor, ma da poi altri signori, e smilmente lui, non li volea haver voluto metter lettere, che in tutto saria sta' guasto. Dimandome da poi quello a mio giuditio poteva valer quel ballasso. Io lo guardai e surrisi, et egli a me : «Di' che te ne par». Risposi : «Signor, io non ne vidi mai un simile, né credo che'l se ne trova alcuno che li possa star a paragon e (se li desse pretio et el balasso avesse lingua) me dimandaria se io ne havea mai più veduto simili. Et io seria constreto a responderli de no. Credo, signor, che non se potria apretiar con oro ma con qualche città ». Guardomi et disse : «Prancatani, Catani, tre ochi ha il mondo, do ne hanno Catani e uno i Franchi». Baldamente el disse: «Bel vero», e voltandose verso li circostanti disse: « Ho dimandato a questo ambassatore quello po' valer questo balasso, et me ha fatta la sì fatta risposta», replicandoli tutto quello li havea ditto. (Questa parola «Catani, Catani» havea aldita per avanti da uno ambassator de l'imperator tartaro el qual retornava dal Cataio del 1436, el qual (facendo la via de la Tana) io accettai in casa con tutti li soi, sperando haver da lui qualche zoia; et un zorno, rasonando del Cataio, me disse como quelli capi de la porta de quel signor sapevano chi erano Franchi, e dimandadoli io se l'era possibile che havessero cognition de' Franchi disse: «E comme non la dobbiamo haver nui? Tu sai come nui semo apresso Capa e che al continuo praticemo in quel logo; e loro vieneno in el nostro lordo»). E sogionse: «Nui Catani havemo do ochi, e vui Franchi uno». E (voltandosse verso i Tartari i quali erano li) azonse: «E vui nisuno», surridendo tuttavia. E perhò meglio intesi el proverbio di questo signor quando usò quelle parole» [14, p.124].

«Когда я был с ним [Узун Хасаном. – *И.В.*] в другой раз, я нашёл его в некоей палате, и тогда он спросил меня, как она мне представляется и ис-

пользуют ли так же сделанные в землях франков. Я ответил ему, что она кажется мне прекраснейшей и что не буду делать сравнение между нашими землями и его, поелику его мощь значительно больше нашей, и поскольку у нас не используются такие палаты. А она действительно была прекрасной и хорошо сделанной из дерева в форме купола², отделана шёлковыми тканями вышитыми и золочёными, а во внутренней части везде вокруг выстлана прекраснейшими коврами. Её окружность – около 14 павсов³. Сверху над этой палатой находится большой квадратный вышитый тент, натянутый с силой на четырёх деревьях, которые создают тень. Между ним и куполом находится красивый шатёр из бокасины⁴, во внутренней части везде отделанный и вышитый. Дверь палаты – из сандала, инкрустированная золотой проволокой и перламутром с внутренней стороны, отделанная и резная. Синьор сидел вместе с несколькими своими первейшими людьми, перед ним был платок, завязанный узлом. Он развязал его и вытащил из него нитку с 12 [нанизанными] баласами⁵, подобными оливе, чистыми и хорошего цвета, от 50 до 75 каратов⁶ каждый. Затем он достал балас в 2½ унции⁷, плоский, красивой формы, тяжёлый, как сказано, не просверленный, совершеннейшего цвета, на боковой стороне которого были некоторые арабские буквочки. Я спросил его, что это за буквы, и он ответил мне, что они сделаны для некоего монарха, но более поздние монархи, равно как и он, не хотели вставлять буквы, чтобы не повредить его в целом. Затем он спросил меня, сколько, по моему разумению, может стоить этот балас. Я посмотрел на него и улыбнулся, а он мне: „Во что ты его оценишь?“ Я ответил: „Синьор, я никогда не видел ничего подобного, и думаю, что не найдется такого, что могло сравниться бы с ним, и (если бы я назвал цену, а балас имел бы язык) он спросил бы меня, видел ли я ещё подобный. И я должен был бы ответить ему, что нет. Думаю, синьор, он не будет оцениваться золотом, но каким-нибудь городом⁸“. Он посмотрел на меня и сказал: „Пранкатаини, катаини⁹, три глаза имеет мир, два их имеют катаини, а франки – один“. Радостно он сказал: „Вот уж правда“, – и повернувшись к окружающим сказал: „Я спросил этого посла, сколько стоит этот балас, и мне был дан такой ответ“, повторив им всё то, что было сказано ему. (Эту пословицу „Катайцы, катайцы...“ я слышал раньше от одного посла татарского императора, который возвратился из Китая в 1436 году¹⁰, которого (во время путешествия в Тану) я принимал в доме со всеми его [людьми], надеясь получить от него какие-либо драгоценные камни. В один день, рассказывая о Китае, он сказал мне, что приближённые¹¹ того [китайского] государя надеялись, что они были франки, а когда я спросил его, возможно ли, чтобы у них были знания о франках, он ответил: „А почему мы не должны иметь их? Ты знаешь, насколько мы близко к Каффе, и мы постоянно имеем связи с этим городом, а они приходят в нашу орду“. И он ухмыльнулся: „Мы, катайцы имеем два глаза, а вы, франки – один“. И (поворачиваясь в сторону татар, которые были там) дополнил: „А вы – ни одного“, всё ещё улыбаясь. Вот поэтому я лучше понял пословицу этого синьора, когда он использовал те слова».

Второй раз дипломат вспоминает о Китае в связи с общей географической характеристикой соседних с Персией стран. Опять же воспроизводится информация, полученная от ордынского посольства, а также сведения «многих», предположительно персидских купцов, и, вероятно, Марко Поло, который для европейцев был «исходным эталоном» при описании Китая.

«Poi se ritrova, in quella istessa region de Zagatai, Sanmarchaanth, città grandissima e ben popolata, per la quale vano e vengono tutti quelli de Cim e Macini e del Cataio, o mercadanti o viandanti che siano. Lavorassi in essa mistieri assai e trovassi mercadanti assai. I signori de la qual furon figlioli de Giarda. Non passai più avanti a questa via, ma (perché l'intesi da molti) dico che questi Cim e Macim (di quali pocho avanti ho fatta mentione) sonno do provincie grandissime e sono de quelli idolatri. La region è quella dove se fanno i cadini e piadene di porcellana. In questi logi son gran merchadantie, maximamente zoglie et lavori de seda et de altre sorte. De li se va in la provincia del Cataio, de la qual dirò quello che so per rellation de uno ambassador del Tartaro el qual vene de li, retrovandome io a la Tana. Essendo un zorno con lui in parlamento di questo Cataio, me disse che passando i logi proximamente scritti, intrato che'l fu nel paese del Cataio, sempre li furon fatte le spese de logo in logo perinsina che'l zonse a una terra nominata Cambale, dove fu ricevuto honorevolmente, e datoli stantia; e cusì dice che fino fatte le spese a tutti li merchadanti che passano de li. Poi fu condotto dove era il signor. Zonto a la porta, fu fatto inzenochiar li de fuora; el logo era a pepiano, largo e longo molto, in capo dil quale era uno pavimento di pietra e su esso il signor sentato in su una cariega, el qual voltava le spale verso la porta. Da i ladi erano .4. sentadi, volti verso la porta, et da la porta per insino dove erano questi .4. di qua et di là stavano alcuni maccieri in piedi con bastoni d'argento, lassando in mezzo al modo d'una calle, in la qual calle per tutto erano alcuni trucimani sentadi su i calcagni, come fanno di qua da nui le femene. Redutto l'ambassador a questa porta (dove ritrovò le cose ordinate nel modo scritto di sopra) li fu ditto che'l parlasse quel che esso voleva e cusì fece la sua ambassata, la qual i trucimani de man in man exponevan al signor overo a quelli .4. che li sentavano a lato. Fugli risposto che'l fusse il benvenuto e dovesse ritornar a logiamento, dove se gli faria la risposta. Per la qual cosa non gli fu più bisogno ritornar dal signor, ma solamente a conferir con alcuni di quelli del signor, li quali li fidevano mandati a casa et refferivano di qua e di là quella faceva bisogno, in modo che presto fu spaciato e gratamente. Uno de i famegli di questo ambassator et uno suo famiglio (li quali ambi dui erano stati con esso) me dissero cose mirabile de la iustitia che se faceva in quel logo, fra le qual questa ne è una, che (essendo un zorno in madian, che vol dir in piazza) a una femina che portava una zara de latte in capo uno vene e tolse la zara, e cominciando a bere, lei si misse a cridar: «O povere vidue, a che modo possemo portar le nostre robbe a vendere!». Subito costui fu preso e con la pata tagliato a traverso, in modo che'l se vedeva in un trato insire sangue e latte de le budelle. E questo istesso poi mi affermò ditto ambassator, e sozonse che (lavorando certa femina gottoni a molinello) haveva tratta fuora una spuola e messa da drieto apresso de sì; uno che

passava a caso di là tolse questa puola et andossene alla bonhora; ella se voltò et veduto che l'havè, cominciò a cridar et fuli ditto: «S'è colui che va in là che te l'ha tolta?». Costui subitamente fu preso e per il simile tagliato a traverso. Dicesse che non solamente in la terra, ma de fora nelle strade d'ognio intorno dove capitano viandanti, se trovano insuso qualche saxo o altro logo cose perdute per altri viandanti e per altri trovate, e che niuno è cusi furbito che li basta l'animo di tuorle per sì. E più che (se uno essendo in camino fusse adimandato da qualchuno che esso havesse suspeto o de chi tropo non se fidasse, dove el va) andandossene a lamentar colui che fi dimandato di tal parole e di cotal dimanda, el bisogna che colui ch'ha dimandato at trovi qualche casone licita di questa sua dimanda, altramenti el fi punito. Per le qual cose el se po' comprender che questa terra è terra di libertà et di gran iustitia.

Circa il fatto de le marchadantie, intesi che tutti li mercadanti che vengono in quelle terre portano le lor merchadantie in quelli fontegi, e li deputati a ciò le vano a vedere et (essendovi cosa che piacia al signor) pigliano quello gli piace, dagandoli a l'incontro altre robbe per el valsente di essa. El resto rimane in libertà dil merchadante. A minuto in quel logo si spende moneta di charta, la quale ogni anno fi mutata con nova stampa, e la moneta vechia in capo de l'anno si porta alla cecca, dove e'gli fi data altrettanta di nova e bella, pagando tutta via do per cento de moneta d'argento bona; et la moneta vechia se buta in focho. L'argento et l'oro se vendono a peso e fasse etiam di questi metalli certe monete grosse. La fede di questi Cathaini stimo che sia pagana, quantunque molti di Zagatai et altre natione, li quali vengono de li, dicono che sian christiani, imperochè dimandandoli io in che modo el sano che siano christiani, me rispondeno che in li lor templi essi tengono statue, sì come famo nui. Accadetime nel tempo ch'io era in la Tana, stagando ditto ambassator con mi (como ho ditto di sopra), che mi passò davanti un Nicolo Dedo, nostro venetiano vechio, il qual a le fiате portava una vesta di panno fodrata di cendado a manege aperte (come zà si usava in Venetia) sopra uno zupon de pelle con uno capuzo in spalla et un capello di paglia in capo da soldi .4. Et incontinente (visto che l'have') ditto ambassador con maraveglia disse: «Questi sonno de i habiti che portano i Cathaini, somegliano quelli de la nostra fede, perché portano l'habito nostro». In quel paese non nasce vino per esser la region molto frigida; altre vittuarie nasceno assai. Questo, insieme con molte altre cose, le qual de presente io lassarò, et quello ch'io so per relatione de ditto ambassator del Tartaro e de li soi familiari per quanto spetta alla provintia dil Cataio, dove io personalmente non son stato» [14, c. 142–145].

«Затем встречается в той самой области Чагатаев¹² Санмаркаант [Санмарканд], город крупнейший и хорошо населённый, через который проходят все, кто из Чина, Мачина¹³ и Катая. Будь то купцы или путники. В нём встречаются многочисленные изделия и многочисленные купцы. Владетели его – сыновья Джарды¹⁴. Я не ходил дальше по этой дороге, но (поскольку слушал многих) скажу, что эти Чин и Мачин (которые я упомянул немного раньше) являются двумя крупнейшими провинциями, там живут язычники. Это та область, где делаются чаши и блюда из фарфора¹⁵. В этих местах множество товаров, особенно драгоценностей и изделий из шёлка и других сортов. Из них можно идти в провин-

цию Катай, о которой расскажу то, что знаю по рассказу посла Татарии, который вернулся оттуда, когда я был в Тане. Провел один день с ним в разговорах об этом Катае, он сказал мне, что проходя места только что описанные, он вошёл в страны Катая, всё время делая траты от места к месту, пока не прибыл в город, называемый Камбале¹⁶, где был принят с почётом, и ему предоставили помещение; как он сказал, тут он расплатился со всеми купцами, которые проходили с ним. Затем его провели туда, где находится государь. Когда он пришел к входу, его поставили на колени снаружи, место было плоское, очень широкое и длинное, в конце его был каменный помост, на котором сидел синьор¹⁷ на кресле, повернувшись спиной в сторону ворот. По бокам были 4 сидящих [человека], повёрнутые [лицом] в сторону ворот, и от ворот вплоть до того места, где были эти 4, там и сям стояли на ногах булавоносцы с серебряными дубинами, оставляя в середине некое подобие улицы, и на этой улице везде были переводчики, сидящие на пятках, как это у нас делают женщины. Когда посол прошёл к этим дверям (где он увидел вещи, расположенные в порядке, описанном выше), ему было предложено сказать, что он хотел, и таким образом он выполнил своё поручение, которое переводчики от одного к другому передали синьору через тех 4, которые сидели по бокам. Затем его в ответ поприветствовали, и ему следовало вернуться в своё жилище, куда ему доставили ответ. Для этого дела ему не требовалось больше возвращаться к синьору, но исключительно обсудить с несколькими из [людей] синьора, которым было поручено прийти в дом, и обсудить с разных сторон, что требовалось, по порядку, что всё было сделано очень быстро и любезно. Один из слуг этого посла и один из его свиты (которые оба были с ним) рассказали мне удивительные вещи о правосудии, которое совершается в том месте. Среди них одна, что (когда они были однажды днём на майдане¹⁸, то есть на площади) к одной женщине, которая несла на голове кувшин молока, некто подошёл, выхватил кувшин и начал пить. Она принялась кричать: „О бедные вдовы, каким образом мы можем носить наше добро на продажу!“ Тут же этот тип был схвачен и разрублен саблей поперек, таким образом, что было видно, как вместе вытекают кровь и молоко из его кишок. Это также затем подтвердил мне упомянутый посол и добавил, что (некая женщина, выделявая хлопковую пряжу) вынесла на улицу челнок и положила сзади рядом с собой; некто, кто проходил мимо её дома, взял этот челнок и убрался восвояси. Она обернулась и увидела, что произошло, и начала кричать ему со словами: „Тот-то, кто пошёл туда, ты украл?“ Этот тип тут же был схвачен и также разрублен поперёк. Он сказал, что не только в городе, но снаружи на дорогах везде вокруг, где встречаются путники, если встречают на поверхности скалы или другого места предметы, потерянные другими путниками, и другие находки, то нет ни одного настолько хитрого, чтобы ему хватило духу взять это себе. И более того (если кого-либо, кто находится в пути, спросит кто-то, к кому имеет подозрения или не слишком доверяет, куда он едет), добравшись туда, он жалуется на того, кто говорил такие-то слова и

задавал такие-то вопросы¹⁹. И тому, кто спрашивал, требуется найти какую-то причину, достаточную для этого его вопроса, в противном случае он будет наказан. По этим примерам легко понять, что эта земля – земля свободы и великой справедливости.

Относительно того, что делается в торговле, я узнал, что все купцы, которые приходят в те земли, доставляют свои товары в те фондако²⁰ и посланные для этого смотрят (если предмет нужен синьору), покупают то, что понравилось, давая взамен другие товары, по стоимости этого. Остальное остаётся в распоряжении купца. Во-вторых, в этом месте обращаются бумажные деньги²¹, которые каждый год меняются на новый штамп, а старые купюры в конце года относят на монетный двор²², где за них дают другие, новые и красивые, за что везде платят два процента в хорошей серебряной монете; а старую купюру бросают в огонь. Серебро и золото продают на вес, а также из этих металлов делают некие крупные монеты. Веру этих катайцев я оценю как языческую, хотя многие из чагатаев и других народов, которые приходят от них, говорят, что они христиане. После этого я их спрашивал, откуда они знают, что они христиане. Мне отвечали, что в их храмах держат статуи, как делается у нас. В то время, когда я был в Тане, со мной произошло следующее. Со мной был упомянутый посол (как я сказал выше), ко мне вперед прошел Николо Дьедо, наш старый венецианец, который в тот раз носил одежду из сукна, подбитую тафтой, с открытыми рукавами (как тогда носили в Венеции) поверх зипуна из кожи, с капюшоном на спине и в соломенной шляпе за 4 сольди на голове. И тут же (увидев это) упомянутый посол с удивлением сказал: „Это одежды, которые носят катайцы, привозят их выюками из [страны] нашей веры, чтобы носить нашу одежду“. В той стране не родится виноград, поскольку область очень холодна, но другой пищи родится много. Я оставлю это сейчас вместе со многими другими вещами; это то, что я знаю по рассказам упомянутого посла Татари и его слуг, поскольку рассмотрел провинцию Катай, где я лично не был».

Примечания

¹ Другой анонимный перевод этой части сочинения, опубликованный в журнале «Сын Отечества» в 1831 г. [2], привлекал внимание редко, к тому же он имеет значительные пропуски и существенные искажения текста.

² Слово *cuva* – арабского происхождения, от [куббат] (قبّة) – свод, купол, шатёр.

³ Пасс – буквально «шаг», однако как мера длины это обычно пара шагов. В Венеции пасс приравнивался к 5 футам, то есть 1,74 м. Таким образом, окружность палаты была более 24 м.

⁴ Использовано слово *bucassin*. Общее название для тонких, преимущественно хлопчатобумажных тканей.

⁵ Баласы – разновидность рубинов, встречающихся в Бадахшане. Слово происходит от арабского названия города Балх (بلخ) в области Бадахшан (بدخشان). Добыча этих камней была широко известна: «Бадахшан – месторождение рубина» [1, с. 185, 493]. Персидское название камня – лал (لال). Арабское название камней группы корунда – «йакут» (ياقوت), рубин – «якут ахмар» (ياقوت احمر). Подробнее: [6, с. 34–38, 423, прим. 5].

Описание добычи баласов в Бадахшане дается у Марко Поло [9, с. 114–115]. На карте мира Фра Мауро 1459 (1460) г., видеть которую Барбаро мог благодаря своему должностному положению, Бадахшан назван Баласианом (balasian) [16, tav. XXXIII, b 7], севернее – две сопроводительные надписи «In questo monte se trova balasi asai» («В этой горе встречаются многочисленные баласы») [15, tav. XXXIII, D 6; E 6].

⁶ Мера веса «карат» происходит от названия стручка (рождкового дерева – царградский стручок, сладкий рожок), твёрдые плоские бурые семена (бобы) которого служили мерой массы (итальянское *carato*, через араб. *кират* (*قيراط*), от греческого *керáτιον*). В настоящее время общепринятая величина карата – 0,2 г. В мусульманских странах он равнялся 1/16 дирхема, т.е. 0,195 г. В Венеции карат составлял 1/24 иперпера весом в 4,55 г, то есть 0,19 г; однако в пересчёте на чистый металл устанавливали содержание в 22–23 карата на иперпер, тогда единица составляла 0,198–0,207 г. Следовательно, рубины весили 10–15 г.

⁷ Унция (лат. *uncia*) мера массы, со времён Древнего Рима составлявшая $\frac{1}{12}$ основной тогда меры массы либры, равнялась 27,166 г. В Венеции использовались либра гроссо (348,5 г) и либра соттиле (316,75 г). Соответствующие им унции – соответственно 29,04 г и 26,4 г. Следовательно, вес камня составлял от 66 до 72,6 г.

⁸ Яркий рассказ об особенно крупном камне на самом деле не столь оригинален, он навеян одним фрагментом из соотечественника Барбаро, Марко Поло, где описываются сокровища царя острова Цейлон. «Самый красивый на свете рубин у здешнего царя; такого никто не видел, да и увидеть трудно; он вот какой: в длину он в пядь, а толщиной с человеческую руку. На вид самая яркая в свете вещь, без всяких крапин, и красен как огонь, а дорог так, что на деньги его не купить. Великий хан, скажу вам по правде, прислал к этому царю своих гонцов и наказывал о том, что хочет купить тот рубин: коль царь пожелает его отдать, так великий хан прикажет ему уплатить то, что стоит большой город» [9, с. 350].

⁹ Оба названия относятся к Китаю, конкретизация по районам в связи с разной орфографией едва ли отражает достоверные знания о Дальнем Востоке. Традиционно названия относятся к Северному Китаю, как и Чин. (Из всего текста ясно, что Китай означает лишь часть Китая, поэтому в переводе сохранена эта терминологическая особенность оригинала. – *Прим. ред.*)

¹⁰ Это был первый год пребывания Барбаро в Тане.

¹¹ Буквально: «главы двери» (*capit de la porta*).

¹² Во время пребывания Барбаро в Персии династия Чагатай, второго сына Чингис-хана, давно пресекалась [5, с. 540]. Первоначальная территория улуса Чагатай – от правобережного Хорезма и восточнее. Однако архаизм наименования вполне оправдан, поскольку уже в начале XV в. в Персии распространилось наименование чагатаями подданных Тимура, что отметил Руи Гонсалес де Клавихо: «И так были запуганы жители этих селений, что как только увидят [какого-нибудь] чакатай, сейчас же бегут, а чакатаями называют они людей из войска Тамурбека, из одного с ним племени» [7, с. 62–63].

¹³ Чин и Мачин – два названия, относящиеся к современному Китаю. Чин – название Китая по династии Цинь (221–207 гг. до н.э.), первоначально распространилось у ближайших соседей индийцев и малайцев, а затем распространилось на запад. Относится преимущественно к Северному Китаю. Второе слово – производное от индийского названия «великая империя» (Махачин – Великий Чин/Китай. – *Прим. ред.*). Традиционно мнение, что Мачин – это Южный Китай [8, с. 163, прим. 137]. На карте

Фра Мауро 1459 (1460) г. к Мачину также отнесены области Таиланда, Кампучии, Бенгалии, Северо-Восточной Индии [15, Tav. XIV (p 30), XX (g 14), 21 (L 6)].

¹⁴ Наиболее вероятно, что речь идёт опять же о предпоследнем представителе династии Кара-Коюнлы Джехан-шахе (1437–1467). Однако, как уже говорилось выше, Самарканд во время путешествия Барбаро находился под властью Тимуридов.

¹⁵ Есть определённые сложности с переводом «*cadini e piadene di porcellana*». Предложен самый простой вариант перевода, соответствующий современным словам «*catini e piattini*». Конкретное значение слов, обозначающих виды посудных керамических и фарфоровых изделий, со временем могло меняться. Да не обвинит меня читатель в маниакальном стремлении найти слова для китайского селадона, который во времена Барбаро ещё поставлялся на Запад. Первое слово может быть диалектным производным от *giada* (нефрит, жадеит). В Китае нефрит преимущественно обрабатывался, а не добывался. Подбор цветов глазури селадона считается попыткой имитировать этот природный камень. Тогда допустимо, что слово *cadini* как раз обозначает селадонные сосуды. Диалектное слово *piadepa* обозначает сосуд, охарактеризовать форму и назначение которого затруднительно (*ziprettia, cantim-ploga*). В итоге можно допускать авантюрный вариант перевода: «селадоны и сосуды из фарфора».

¹⁶ *Cambale* (*Cambalu*) – Ханбалык, современный Пекин.

¹⁷ Этим синьором (императором) мог быть Чжу Чжаньци (правл. 1425–1435) или Чжу Цичжэнь (1435–1449, 1457–1464). Второе предпочтительнее не только по дате, но и по ярко выраженному мотиву для отправления посольства – смене монарха.

¹⁸ Слово весьма распространённое не только в Персии (سارای), но и во всех сопредельных странах.

¹⁹ Это явное противопоставление персидскому опыту самого Барбаро, с которым жестоко обходились на дорогах, хотя он был послом к шаху.

²⁰ Это слово может обозначать лавки, товарные склады, постоялый двор, ближе всего к «караван-сарая».

²¹ Это подтверждение сообщения Марко Поло [9, с. 199–200], вероятно, сделанное на основании целенаправленных расспросов Барбаро.

²² Словом «цекка» (*сесса, зесса*) назывался монетный двор в Венеции, от него же происходит слово «цехины», а более привычное современное слово – «цех».

Литература

1. 'Аджа'иб ад-дунйā (чудеса мира) / Критич. текст, пер. с перс., введ., коммент. и указатели *Л.П. Смирновой*. М.: Наука, Восточная литература, 1993. 540 с.

2. *Барбаро И.* Путешествие в Тану Юсафата Барбаро в 1436 году (перевод с италианского) // *Сын отечества и Северный архив. Журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариним*. СПб.: в типографии Н. Греча, 1831. Т. 24. С. 212–229, 280–290, 343–355, 405–421.

3. *Барбаро И.* Путешествие Юсафата Барбаро в Тану // *Библиотека иностранных писателей о России / Пер. с ит. В. Семёнова*. Отд. 1. Т. 1. СПб., 1836.

4. *Барбаро Юсафат.* Путешествие в Тану // *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., пер. и комм. *Е.Ч. Скржинской*. Л., 1971.

5. *Бартольд В.В.* Чагатай-хан // *Сочинения*. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. С. 538–544.

6. *ал-Бируни Абу-р-Рейхан Мухаммед ибн Ахмед*. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М., 1963.
7. *Клавихо, Руи Гонзалес де*. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. со староиспанского, предисл. и коммент. *И.С. Мироновой*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 211 с.
8. *Никитин А.* Хождение за три моря Афанасия Никитина / Подг. изд. *Я.С. Лурье* и *Л.С. Семёнов*. Л.: Наука, 1986. 214 с., 6 л. илл.
9. *Поло Марко*. Книга чудес света / Пер. *И.П. Минаева*; предисл. *И.П. Магидовича*; примеч. *Л. Яковлева*. М.: Эксмо, 2009. 512 с., илл.
10. *Скржинская Е.Ч.* Записки Иосафата Барбаро // *Скржинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., пер. и комм. *Е.Ч. Скржинской*. Л., 1971. С. 5–28.
11. *Barbaro I.* Viaggi fatti da Vinetia alla Tana, in India et in Costantinopoli: con la descrizione particolare di città, luoghi, siti, costumi, et della Porta del gran Turco: et di tutte le intrate, spese, et modo di governo suo, et della ultima impresa contra Portoghesi. Vinegia: Aldvs, 1543.
12. *Barbaro I.* Viaggi fatti da Vinetia alla Tana, in India et in Costantinopoli: con la descrizione particolare di città, luoghi, siti, costumi, et della Porta del gran Turco: et di tutte le intrate, spese, et modo di governo suo, et della ultima impresa contra Portoghesi. Vinegia: Aldvs, 1545. F. 2r–58r.
13. *Barbaro I.* Il vaggio della Tana, & nella Persia // Ramusio G.B. Secondo vollume delle navigationi et vaggi... Venetia: Uivnti, 1559. F.91v–112r.
14. *Barbaro I.* Viaggi di Giosafat Barbaro // Il Nuovo Ramusio / Vol.VII: I viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini / A cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca e M.F. Tiepolo. Roma, : Istituto poligrafico dello stato, 1973. P. 65–173.
15. *Gasparrini T.L.* Il Mappamondo di Fra Mauro / Presentazione di R. Almagià. – Roma: Istituto poligrafico dello stato, 1954. – 77 p., 48 tav.
16. *Thiriet F.* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. T. 1 (1329–1399). Paris; La Haye: Mouton & Co, 1958. 247 p., 1 l. cart.
17. Works issued by The Hakluyt Society. Vol. 49. (Travels to Tana and Persia by Iosafa Barbaro and Ambrogio Contarini / Transl. by *W. Thomas* and *S. A. Roy*). London, 1873. P. 37–101.